

Проблема правового социализма

(Эволюция либерализма)

Мысль, что коммунизм есть наиболее последовательное выражение идеи социализма, до сих пор является весьма распространенной. Ея не колеблет и очевидный факт безнадежной борьбы — а в Советской России даже расправы — коммунистической партии с социалистическими течениями. Поэтому идея правового социализма, т. е. социализма, понимаемого как расширение и углубление идеи правового государства, покажется слишком многим внутренне противоречивой. Вѣдь средоточіем коммунистической доктрины является типично марксистское отрицание правового государства, какъ специально «буржуазнаго» установления. Да и за предѣлами марксистскаго социализма идея права, какъ выдвинутая либерализмомъ, не пользуется большимъ почетомъ. Почти общимъ мѣстомъ всѣхъ социалистическихъ учений является утверждение недостаточности чисто правовой свободы и только правового равенства, которые социализмъ именно призванъ замѣнить или, по крайней мѣрѣ, восполнить экономическими свободами и равенствомъ. Поэтому проблема социализма и представляется преимущественно какъ проблема экономики, а не какъ проблема права. Большинство попытокъ построить социалистическій кодексъ права (напр. попытка Антона Менгера) не выходятъ за предѣлы узкаго юридическаго позитивизма, для котораго право есть не что иное, какъ возсизъявление государства, въ данномъ случаѣ государства «пролетаріата», властвующаго въ интересахъ послѣдняго. Предвосхищая во многомъ советскій кодексъ, попытки эти еще болѣе отбѣняютъ распространенный не въ одномъ только марксистскомъ социализмѣ взглядъ на право, какъ на простое орудіе классоваго господства, и на правовое государство, какъ на наиболее одиозную форму такового.

Говоря о правовомъ социализмѣ, я поэтому отнюдь не

имѣю въ виду построенеіе нормъ, которыя государство, принципиально отрицающее идею права, захочетъ, въ интересахъ господствующаго въ немъ класса «трудящихся», установить какъ право. Напротивъ, задачей моей будетъ раскрытіе содержания социализма, понимающаго себя какъ расширеніе и углубленіе той же самой идеи права, которая, будучи выдвинута либерализмомъ, получила въ немъ по необходимости исторически ограниченное воплощеніе. Всякій безпристрастный наблюдатель современности скажетъ, что факты говорятъ въ пользу такой постановки проблемы. Все увеличивающаяся пропасть между коммунизмомъ, съ одной стороны, и социалистами типа Макдональда или Радбруха, съ другой, есть одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ фактовъ современности. Многие толкуютъ его какъ отказъ социализма отъ своего собственного лица, проникновеніе его «буржуазными» моментами. Что коммунизмъ заставилъ социалистовъ пересмотрѣть свое отношеніе къ либерализму и признать, что коалиція съ нимъ для нихъ естественнѣе союза съ коммунистами, — это несомнѣнный фактъ, который я и постараюсь въ дальнейшемъ осмыслить, показавъ, какимъ образомъ социализмъ углубляетъ и расширяетъ идею правового государства. Но отсюда еще преждевременно дѣлать выводъ о полномъ «слиянійи социализма» и возвращеніи его вснѣхъ на позиціи либерализма. Вѣдь и съ каждымъ годомъ все ярче обнаруживающееся родство коммунизма съ теченіями крайней правой диктатуры не уполномочиваетъ насъ утверждать, что коммунизмъ превращается въ крайній консерватизмъ.

Что крушеніе коммунизма должно повести къ пересмотру социалистической теоріи, а отнюдь не означать торжества либерализма въ цѣломъ (последнее было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что коммунизмъ и либерализмъ представляютъ собою члены исчерпывающей альтернативы), — это показываетъ и несомнѣнный для каждаго безпристрастнаго наблюдателя фактъ распада либерализма, переживаемой имъ внутренней растерянности. Если въ цѣломъ рядѣ странъ, въ томъ числѣ и въ Россіи, либерализму въ ближайшемъ будущемъ и предстоитъ еще пережить, повидимому, свой новый разцвѣтъ, то въ масштабѣ міровой исторіи онъ несомнѣнно вступилъ въ полосу идейнаго кризиса, свидѣтельствующаго уже о началѣ его заката. Много вѣрнаго заключаетъ

ся поэтому въ словахъ тѣхъ русскихъ религіозныхъ философовъ, которые въ самоубійственномъ торжествѣ коммунизма видятъ значеніе новой эпохи, одинаково отличной какъ отъ коммунизма, такъ и отъ либерализма. Вѣрно также, что коммунизмъ доведетъ до конца цѣлый рядъ моментовъ, характерныхъ для самого разлагающагося либерализма. Невѣрно только, какъ я постараюсь показать, что коммунизмъ есть логически необходимое слѣдствіе либерализма. Напротивъ, воспринявъ отъ либерализма его мертвые элементы, составляющіе его историческую ограниченность, коммунизмъ воинствующе отвергъ ту живую идею его, которая составляла смыслъ его долгаго и въ общемъ не безславнаго существованія и которая, при измѣнившихся обстоятельствахъ, требуется уже новой формы своего выраженія. Соціализмъ, если онъ хочетъ заступить мѣсто либерализма, и долженъ унаслѣдовать отъ него эту его идею, очистивъ ее отъ ея иертывающей ограниченности. Только наследники могутъ похоронить мертвыхъ. Похоронить либерализмъ и стать на его мѣсто, творчески отвергнувъ его соціализмъ сможетъ, лишь признавъ и воспринявъ въ себя его вѣчную правду. И только такимъ образомъ сможетъ онъ разъ и навсегда отграничить себя отъ той своей личины, которой имя коммунизмъ.

Искаженіе соціализма въ коммунизмъ гораздо глубже того, которое охватывается понятіемъ различія въ средствахъ. Не только большинство соціалистовъ, но даже очень много убѣжденныхъ защитниковъ либерализма и попыткѣ раздѣляютъ тотъ элементарный взглядъ, что коммунизмъ хорошъ въ послѣднихъ своихъ цѣляхъ, и что только дурны и неприемлемы тѣ средства и та эмпирическая практика его, къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть въ виду того, что преждевременно рѣшилъ осуществить себя въ жизни. Несовершенство эмпирической обстановки (временное, какъ думаютъ многіе соціалисты, или вытекающее изъ самого существа человеческой природы, какъ полагаютъ многіе либералы) виновно въ крушеніи коммунизма*). Я постараюсь показать, что взгляды этотъ глубоко неправиленъ. Конечно, коммунизмъ отличается отъ соціализма своими средствами.

*) Срв. изъ недавней литературы напр. статью Н. О. Лоссаго въ сборникѣ «Софія», Берлинъ. 1923.

своей «тактикой». Но въ области человѣческаго дѣйствія цѣль и средства не безразличны другъ другу, а взаимно проникаютъ и опредѣляютъ другъ друга: различіе въ средствахъ неизбѣжно ведетъ за собою различное пониманіе цѣли. И коммунизмъ могъ избрать непріемлемыя для социалистовъ средства именно потому, что самую цѣль онъ понимаетъ существенно иначе. Задача настоящей статьи и заключается въ томъ, чтобы позади очевиднаго различія въ средствахъ вскрыть болѣе глубокое и основное различіе въ цѣли. Самая цѣль коммунизма должна быть обнаружена въ своей иллюзорной ложности. Только тогда социализмъ дѣйствительно осознаетъ себя самого, найдеть своихъ подлинныхъ предковъ и ограничить себя отъ своихъ самыхъ злѣйшихъ враговъ. Пусть это теоретическое самоутвержденіе социализма хотя бы отчасти искупитъ тотъ громадный практическій ущербъ, который нанесель ему коммунизмомъ. Это можетъ быть сдѣлано только кореннымъ пересмотромъ основныхъ понятій социализма, даже тѣхъ, которыя традиція возвела въ рангъ почти что самоочевидныхъ догмъ. Я не думаю здѣсь совершать этого пересмотра. Своими размышленіями и хотѣлъ бы только намѣтить путь, въ направленіи котораго, мнѣ кажется, пересмотръ этотъ долженъ быть совершенъ.

Что пересмотръ этотъ долженъ идти въ направленіи признанія права и, слѣдовательно, правды выдвинувшаго идею правового государства либерализма, что, съ другой стороны, идея правового государства должна быть понята какъ неисчерпанная во всей своей полнотѣ даже наиболѣе «соціальными» представителями либерализма идея, — мысль эта далеко не нова. Ее высказывали цѣлый рядъ выдающихся и авторитетныхъ социалистовъ: подъ вліяніемъ Фихте къ ней склонился Лассаль, ее высказывали Жоресъ, Вандервельде, Уэббъ и недавно Мандельштамъ. Она составляетъ отличіе, какъ я покажу далѣе, гильдейскаго социализма отъ синдикализма и коммунизма. Все болѣе и болѣе выглядываетъ она въ послѣднихъ писаніяхъ даже такого заскорузлаго марксиста, какъ Каутскій. Но несмотря на всю свою усиливающуюся популярность, мысль эта далеко еще не осознана во всей своей насыщенной остротѣ. Ей все еще отводятъ мѣсто въ области тактики и средствъ, ревниво оберегая отъ проникновенія идеей права и правового государства то, что принято считать самой цѣлью социализма. Что социализмъ.

желающий отмежевать себя от коммунизма и вмѣстѣ съ тѣмъ преодолѣть и либерализмъ, долженъ рѣшиться на пересмотръ самыхъ послѣднихъ своихъ основаній, быть можетъ, на новое формулированіе самыхъ своихъ послѣднихъ цѣлей, — показать это и составлять задачу настоящихъ размышленій.

1. Проблема социализма.

Чтобы подойти къ послѣднимъ основаніямъ социализма, правильнѣе всего исходить изъ той проблемы, которую онъ притязаетъ разрѣшить. По разному опредѣляютъ различныя социалистическія ученія существо подлежащаго устраненію зла. Но самая проблема, которую ставить сознанію современный общественный строй, одна и та же. Поскольку социализмъ вырастаетъ изъ этой проблемы, онъ — единъ и въ извѣстной мѣрѣ несокрушимъ. Поскольку онъ теоретизируетъ, пытается такъ или иначе осознать эту проблему, онъ распадается на множество конкурирующихъ другъ съ другомъ ученій, не только опровергающихъ другъ друга, но и ослабляющихъ его въ цѣломъ. Задача изслѣдователя и заключается въ томъ, чтобы сформулировать эту проблему въ ея какъ бы непосредственной данности, именно какъ проблему, предстоящую сознанію *до* всѣхъ тѣхъ теоретическихъ оболочекъ, которыми облекаетъ ее уже пытающаяся разрѣшить ее мысль. Конечно, отъ формулированія проблемы въ извѣстной мѣрѣ зависитъ уже и ея разрѣшеніе. И различныя социалистическія теоріи по разному формулируютъ основное зло современнаго общественнаго строя въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, которыя онѣ ставятъ социализму, и тѣхъ средствъ, которыя онѣ признаютъ правильными для достиженія этихъ цѣлей. Но если и невозможно совершенно освободить проблему отъ истолковывающихъ ее теорій, то вполнѣ возможно и слѣдуетъ попытаться сформулировать ее въ ея наиболѣе чистомъ видѣ, съ наименьшей примѣсью теоретическаго истолкованія.

Когда марксистъ говоритъ, что основное зло современнаго общества заключается въ дѣленіи его на два класса — капиталистовъ и трудящихся, то передъ нами уже теорія, не только формулирующая проблему, подлежащую разрѣшенію, но объясняющая *причину*, ее по-

рождающую, и указывающая сразу и *путь* ея разрѣшенія. Теорія эта утверждаетъ нѣкій *максимумъ* предпосылокъ, оспариваемыхъ въ своей истинности не только защитниками современнаго общественнаго строя, но многими отвѣтственными и выдающимися социалистами. Точно такъ же обстоитъ дѣло, когда основное зло современнаго общества опредѣляютъ какъ экономическое неравенство. Въ отличіе отъ первой формулы злѣсь мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ фактомъ, повидимому совершенно неоспоримымъ. Однако и здѣсь формулируется не столько проблема, выдвигаемая современнымъ общественнымъ строемъ, сколько предполагаемая причина, эту проблему порождающая. Несомнѣнно, что еслибы не было экономическаго неравенства, то общепризнанныя бѣдствія современнаго общественнаго строя отсутствовали бы. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что эти послѣднія порождаются именно экономическимъ неравенствомъ, и что экономическое неравенство само по себѣ есть зло, подлежащее упраздненію. Послѣднее оспаривается опять таки не только защитниками современнаго порядка, но и цѣлымъ рядомъ его злѣйшихъ враговъ, въ томъ числѣ и многими социалистами, признающими, что экономическое неравенство не только естественно и справедливо, но и желательно, подобно всякому фактическому неравенству между людьми (умные и глупые, высокие и низкіе, сильныя и слабыя; музыканты, живописцы, ученые, техники и т. и.).

Для тѣхъ, кто желаетъ уничтожить экономическое неравенство, оно есть зло не само по себѣ, а потому, что предполагается, что именно экономическое неравенство ведетъ къ экономическому порабощенію человѣка человекомъ и тѣмъ самымъ превращаетъ въ фикцію провозглашенные либерализмомъ и оправдывающіе современнаго строй принципы правового равенства и свободы. Основнымъ феноменомъ поэтому, той проблемой, которую современный общественный строй задаетъ неудовлетворенному имъ нравственному сознанію, является именно порабощеніе одного человѣка другимъ, или его «эксплуатація». Здѣсь мы имѣемъ искомый минимумъ теоріи, самую проблему въ ея чистомъ видѣ, которую можно не видѣть, но, однажды увидѣвши, нельзя отъ нея отвязаться.

Я прекрасно сознаю всю трудность и сложность указаннаго понятія «эксплуатаціи». Если, какъ это принято въ марксизмѣ, подъ эксплуатацией понимать «экспропріа-

цію» капиталистомъ создаваемой рабочимъ прибавочной цѣнности, то это опять таки теорія, истинность которой добросовѣстно оспаривается многими социалистами. Несомнѣннымъ и не оспариваемымъ даже несоциалистами является только то, что данная теорія стремится объяснить, а именно фактъ угнетенія человѣка человекомъ, т. е. превращенія его въ простое средство удовлетворенія потребностей, утраты имъ его человѣческаго образа и превращенія его изъ личности въ вещь. Что въ капиталистическомъ строѣ — и не только въ эпоху первоначальнаго накопленія капитала, а и нынѣ — большая часть населенія въ этомъ смыслѣ эксплуатируется, — это есть безспорный фактъ, не опровергаемый даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, вопреки желѣзному закону Массалля, неуклонное повышеніе въ Зап. Европѣ и Америкѣ средняго уровня матеріальнаго благосостоянія рабочаго. Понятіе эксплуатации въ нашемъ смыслѣ отнюдь не исчерпывается тѣми разительными фактами совершеннаго приравненія рабочаго и его потомства къ скоту и его приходу, которые приведены Марксомъ въ I томѣ «Капитала» въ его извѣстномъ описаніи «классическаго» капитализма. Эксплуатация имѣется всюду тамъ, гдѣ человѣкъ обезличивается до невозможности удовлетворять свои самыя минимальныя духовныя потребности. Для эксплуатации совершенно не необходимо, чтобы, по слову Маркса, мертвый трудъ въ буквальный смыслѣ слова высасывалъ кровь изъ труда живого. Даже получившій достаточное для возмѣщенія истраченной рабочей энергіи питаніе и тепло скотъ не перестаетъ быть отъ этого вещью. Поэтому голодъ и холодъ, какъ слѣдствіе недостаточной заработной платы, представляютъ собою только крайній предѣлъ эксплуатации, встрѣчающійся нигдѣ въ Европѣ лишь въ странахъ первоначальнаго накопленія капитала (въ частности, въ Советской Россіи). Вышними проявленіями эксплуатации являются: приравниваніе человѣка къ скоту жилищныя условія; невозможность разумнаго, помогающаго внутреннему развитію личности использованія досуга и отсутствіе этого послѣдняго; чисто механической, разрушающей личность и опустошающей душу трудъ; постоянная угнетенность, пронекающая отъ неуверенности въ завтрашнемъ днѣ (болѣзнь, старость, безработица); однимъ словомъ полная безысходность существованія, гдѣ каждый день повторяетъ день

предыдущій, гдѣ отсутствуетъ самая возможность какого-либо духовнаго роста личности, гдѣ человѣкъ чувствуетъ себя простымъ игролищемъ стихіи, принужденный жить со дня на день, расходуя всю свою энергію на простое *продолженіе* своего существованія и простое чисто животное *воспроизведеніе* своего рода.

Сюда присоединяется еще одно чрезвычайно существенное обстоятельство: при современной формѣ производства большая часть трудящихся чувствуетъ себя приравненной въ своемъ достоинствѣ товару, покупаемому и продаваемому какъ безличная вещь; роль ихъ въ производствѣ ничѣмъ не отличается отъ роли въ немъ мертваго капитала; съ виду пользуясь имъ и преобразуя его, они на самомъ дѣлѣ ему рабствуютъ; совершенно отстраненные отъ участія въ руководствѣ производствомъ, они принуждены къ тому же слопшь и рядомъ участвовать въ производствѣ продуктовъ, удовлетворяющихъ очевидно мнимымъ и общественно вреднымъ потребностямъ, производимымъ единственно потому, что собственники ихъ реализуютъ съ ихъ помощью «цѣнностную разность». Поэтому совершенно правы тѣ социалисты (наприм., гильдейскій социализмъ), которые именно въ этомъ полномъ безправіи рабочаго, въ его полной приравненности товару и вещи видятъ самое существо «эксплуатаціи». Нищета, вынѣ все болѣе и болѣе преодолеваемая, дурна не сама по себѣ, а именно какъ причина обезличиванія и обездушиванія человѣка. Эксплуатація захватываетъ не только «нищихъ», но и богатыхъ участниковъ современнаго производственнаго процесса: неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, отношеніе другъ къ другу какъ къ орудію и превращеніе себя самого въ простое средство удовлетворенія потребностей и притомъ—потребностей мнимыхъ и общественно-вредныхъ; простое воспроизведеніе себя въ потомствѣ, однимъ словомъ — рабствованіе капиталу, — все это слишкомъ часто встрѣчается и на верхахъ современной общественной пирамиды. И поэтому, съ другой стороны, повышеніе матеріальнаго уровня жизни рабочаго класса далеко не разрѣшаетъ еще проблемы эксплуатаціи. Напротивъ, благодаря ему сознаніе своего безправія и обезличенія въ извѣстной мѣрѣ еще болѣе обостряется, и самая проблема социализма тѣмъ самымъ встаетъ въ своемъ очищенномъ видѣ — какъ проблема права, а не богатства, какъ проблема освобожденія, а не

насыщенія, или наслажденія. Повторяется то, что такъ ярко наблюдалось въ эпоху борьбы либерализма съ феодальнымъ строемъ: и «феодальная эксплуатація» острѣ всего сознавалась наиболѣе состоятельными крестьянами и наиболѣе имущими ремесленниками.

Самое усвоеніе социализмомъ этого стариннаго термина, обозначающаго въ эпоху вырожденнаго феодализма безправное и угнетенное состояніе массы крестьянства, какъ бы подчеркиваетъ правовой характеръ питающей его проблемы. Въ извѣстной мѣрѣ можно сказать, что весь свой нравственный пафосъ социализмъ черпаетъ изъ обнаруженія того глубокаго внутренняго противорѣчія, которое въ современномъ общественномъ строѣ существуетъ между его формой и содержаніемъ, идеологіей либерализма и капиталистической дѣйствительностью. Уничтоженіе крѣпостной зависимости и сословныхъ привилегій, установленіе равенства передъ закономъ, введеніе гражданскихъ свободъ, даже участіе въ выборахъ носителей законодательной и исполнительной власти, — все то, что либерализмъ считалъ достаточнымъ для уничтоженія эксплуатаціи, измѣнило только ея видѣнію форму, а не ея существо. Въ силу сосредоточенія экономической мощи въ рукахъ собственниковъ капитала все эти прекрасныя принципы либерализма остаются фактически неосуществленными: для большинства населенія неприкосновенность жилища, свобода труда и договора, равенство передъ закономъ, избирательное право означаютъ въ лучшемъ случаѣ пустыя слова, въ худшемъ — жестокую иронию. Именно потому, что въ этой критикѣ капиталистическаго строя социализмъ становится на почву самимъ либерализмомъ признаваемыхъ принциповъ, критика эта, несмотря даже на обычное демагогическое преувеличеніе, пріобрѣтаетъ особенную остроту и силу. Поскольку изъ нея выводится ложность самыхъ идей правовой свободы и равенства, вообще правового государства, она представляетъ собою уже опять таки теорію, устанавливающую не столько фактъ, сколько предполагаемая метафизическія основы факта. Въ анархизмѣ и коммунизмѣ эта дурная метафизика*) совершенно упряд-

*) Эта дурная метафизика совершенно явно выступаетъ тамъ, гдѣ, вопреки эмпирической очевидности существованія легальныхъ социалистической, анархической и коммунистической ор-

няетъ самый фактъ внутренняго противорѣчія, служащій ей исходнымъ пунктомъ, и, поскольку идеаль права она замѣняетъ инымъ, вибирательнымъ идеаломъ, она оправдываетъ либерализмъ, какъ адекватное выраженіе правового государства. Но поскольку критика ограничивается констатированіемъ факта «эксплуатации» въ охарактеризованномъ выше смыслѣ, она не выходитъ за предѣлы эмпирической дѣйствительности и устанавливаетъ только безспорное противорѣчіе этой дѣйствительности тѣмъ принципамъ, которые должны служить ей оправданіемъ. Правовой характеръ этихъ послѣднихъ и придаетъ самой критикѣ ея правовой паосць. Во имя права выставляетъ социализмъ проблему уничтоженія эксплуатациі въ ея современной формѣ. Коренное зло современнаго общественнаго строя заключается не въ классовомъ господствѣ, не въ экономическомъ неравенствѣ, не въ усвоеніи прибавочной цѣнности, даже не въ нищетѣ, а во всемъ этомъ лишь постольку, поскольку этимъ утверждается противорѣчащее правовой свободѣ и равенству превращеніе человѣка въ простое орудіе удовлетворенія потребностей, его обезличеніе въ вещь. Только это послѣднее есть тотъ безспорный, никакими теоріями не отягощенный *минимумъ данности*, который нынѣшній общественный строй задаетъ нравственному сознанію современнаго человѣчества какъ проблему его политическаго дѣйствія. Единственно эту проблему и долженъ имѣть въ виду социализмъ, желающій органически выростать изъ настоящаго.

Реальность формулированной выше проблемы доказывается тѣмъ, что фактъ эксплуатациі въ установленномъ выше смыслѣ слова въ сущности никѣмъ не оспаривается. Было время, когда онъ игнорировался. Классическій либерализмъ XVIII вѣка его просто не видѣлъ въ силу своей утопической вѣры въ дѣйственность провозглашенныхъ и еще не испробованныхъ на дѣлѣ началъ свободы и равенства. Предполагалось, что построивши имъ и логически вытекающая изъ самой природы человѣка «конституція» разрѣшитъ все вопросы и уничтожитъ навсегда эксплуатацію, причина которой усматривалась

ганизаций и прессы, фактъ наличия свободы союзовъ и печати въ современномъ правовомъ государствѣ отрицается, — очевидно въ какомъ-то сверхэмпирическомъ, метафизическомъ смыслѣ.

единственно въ неоправданныхъ природою сословныхъ привилегіяхъ. Правда, наиболѣе выдающіеся представители индивидуализма Французской Революціи, какъ Бриссо и Кондорсе, понимали, что дѣйствительное осуществленіе свободы и равенства выдвигаетъ проблему обезпеченія государствомъ индивиду и некоторой минимальной возможности личнаго развитія. Поэтому уже въ жирондистскомъ проектѣ конституціи мы встрѣчаемъ ясно сформулированными право на трудъ и на образованіе, которыя и перенесли автоматически въ Конституцію 1793 г. «Братство» мыслилось тогда какъ необходимое восполненіе свободы и равенства. Анри Мишель прекрасно показалъ, что жирондисты были въ этомъ отношеніи только наиболѣе яркими выразителями широко распространеннаго, почти всеобщаго либерализма эпохи раздѣлявшагося воззрѣнія*). Однако, общій оптимизмъ XVIII вѣка, вѣра въ безусловную гармонию частнаго и общаго интереса заслоняли и отъ нихъ ту сложную и трудную проблему предотвращенія эксцессаціи, которую таили въ себѣ новыя экономическія отношенія, развивавшіяся подъ покровомъ идеологіи либерализма. Подобно всеобщимъ современникамъ, и жирондисты были увѣрены, что, стоитъ только упразднить все «противоестественныя» ограниченія личной свободы, — и въ обществѣ «само собою» установится состояніе гармоническаго равновѣсія. Даже Кондорсе, бывшій авторомъ замѣчательнаго проекта всеобщаго обученія, не предполагалъ, съ какими трудностями связано его дѣйствительное осуществленіе въ жизни, и какое расширеніе дѣятельности государства — даже въ области чисто экономической — оно подразумеваетъ.

Совсѣмъ иное отношеніе къ нашей проблемѣ встрѣчаемъ мы у представителей позднѣйшаго либерализма середины XIX вѣка, т. наз. «доктринеровъ», къ которымъ отчасти можно отнести и Б. Чичерина, даващаго въ своей книгѣ «Собственность и государство», быть можетъ, одно изъ самыхъ основательныхъ и глубокомысленныхъ выраженій доктрины правовѣрнаго либерализма. Здѣсь нѣтъ уже наивной вѣры утопическаго либерализма. Недостатки современнаго общественнаго строя признаются и не оспариваются. Фактъ дисгармоніи между частнымъ и общимъ интересомъ, вырожденія свободы собственности и дого-

*) L'Idée de l'Etat, 1896, стр. 77 сл.

вора въ односторонній произволъ, фактическое превращеніе человѣка въ вещь не отрицается. Самая проблема, какъ мы ее формулировали выше, признается реальной и существенной проблемой современнаго общественнаго строя. Но если не отрицается проблема, какъ таковая, то тѣмъ рѣзче отрицается возможность ея правового разрѣшенія. Все своеобразіе точки зрѣнія Чичерина заключается именно въ томъ, что, признавая выдвигаемую социализмомъ проблему, онъ утверждаетъ неразрѣшимость ея съ помощью правовыхъ средствъ и въ предѣлахъ правового государства. А такъ какъ право есть для него необходимая форма человѣческаго общенія и при томъ понимается имъ, совершенно въ духѣ классическаго либерализма, какъ совокупность чисто отрицательныхъ нормъ, только препятствующихъ индивидамъ совершать выходящія за предѣлы отведенной имъ сферы свободы поступки, — то онъ и утверждаетъ, что, недостаточное само по себѣ въ силу существенно присущаго ему формализма, право должно быть восполнено нравственностью, т. е. дѣлами благотворенія и любви, по самому существу своему, однако, недопускающими никакой принудительности. Основное заблужденіе социализма и анархизма и заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что они смѣшиваютъ обѣ эти области, въ результатѣ чего рушится одновременно и право и нравственность, и правовая задача — уничтоженіе несвободы человѣка — подмѣняется иной, уже экономической цѣлью — достиженія всеобщаго благосостоянія*).

Такимъ образомъ ни ранній либерализмъ, ни его эпигоны не оспаривали въ сущности самой реальности той проблемы, которая служить исходнымъ пунктомъ социализма. Первые не видѣли ея, будучи ослѣплены тѣмъ, что мы выше назвали «правовымъ утопизмомъ». Вторые, не отрицая самой проблемы, утверждали лишь невозможность разрѣшить ее съ помощью единственно допустимыхъ для государства правовыхъ средствъ. Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ пунктѣ эпигоны либерализма вполнѣ совпадаютъ со своими видимыми противниками — анархистами. По тѣмъ же самымъ основаніямъ, по которымъ Чичеринъ и другіе эпигоны либерализма утверждаютъ неразрѣшимость въ предѣлахъ права про-

*) См. напр. «Собств. и государство» I, 149, 267; II, 120 сл.

блемы уничтоженія экономической эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, анархисты утверждаютъ зловредность всякаго права, какъ такового, являющагося на ихъ взглядъ лишь орудіемъ классоваго угнетенія. Пусть первые утверждаютъ право, какъ безусловную форму человѣческаго общежитія, а вторые отрицаютъ его необходимость и цѣнность. Обѣ стороны согласны въ самомъ пониманіи права, какъ совокупности чисто формальныхъ нормъ со строго отрицательнымъ содержаніемъ, разграничивающихъ разъ навсегда и для всѣхъ одинаково отмѣренную сферу личнаго произвола. Для тѣхъ и для другихъ право чисто механически ограничиваетъ человѣческую свободу ровно настолько, насколько это нужно для охраненія безопасности каждаго отдѣльнаго лица, какъ, наприм., уголовные законы ограничиваютъ «свободу» убивать, красть, грабить и т. п. И обѣ стороны, наконецъ, согласны въ томъ, что правовыми свободой и равенствомъ, какъ они выражены въ современномъ правовомъ государствѣ, сполна исчерпывается самая идея права. Поскольку коммунизмъ раздѣляетъ этотъ анархическій взглядъ на право, какъ на простое орудіе классового угнетенія и какъ на по существу своему формальное только ограниченіе личнаго произвола, онъ соглашается съ анархизмомъ также въ томъ, что разрѣшеніе выдвигаемой современнымъ общественнымъ строемъ проблемы требуетъ и упраздненія права и примѣненія неправовыхъ средствъ (срв., особенно, «Государство и революція» Ленина). Мы увидимъ, что въ основѣ этого взгляда лежитъ еще болѣе глубокое средство коммунизма съ доктриной внѣшне столь поносимаго имъ либерализма.

Въ противоположность этому общему у правовѣрнаго либерализма и коммунизма взгляду, два теченія въ настоящее время утверждаютъ разрѣшимость нашей проблемы съ помощью правовыхъ средствъ и въ предѣлахъ правового государства въ широкомъ смыслѣ этого слова. Это такъ наз. новый, или «соціальный» либерализмъ съ одной стороны, и демократическій, рѣзко отмежевывающій себя отъ коммунизма, социализмъ, съ другой. Оба считаютъ, что идея права и правового государства далеко не исчерпывается тѣми формами, въ которыхъ она получила свое осуществленіе въ теченіе XIX вѣка. Оба требуютъ углубленія основныхъ понятій свободы, равенства, собственности, общей воли, съ которыми мы привыкли свя-

зывать идею права. Оба не пришли еще къ окончательной формулировкѣ своей социальной и политической теоріи, по крайней мѣрѣ въ ея послѣднихъ основаніяхъ. Если первый, исходя изъ понятій и формулъ классическаго либерализма, считаетъ, что выдвигаемая современнымъ строемъ проблема можетъ быть разрѣшена (если не полностью, то въ достаточной для всегда несовершенныхъ человѣческихъ дѣлъ мѣрѣ) путемъ постепенныхъ преобразованій и реформы отдѣльныхъ уже существующихъ учреждений, то другой, исходя изъ революціоннаго умонастроенія анархизма и коммунизма, полагаетъ, что проблема уничтоженія экономической эксплуатаціи требуетъ рѣшительнаго разрыва съ цѣлымъ рядомъ привычныхъ понятій и формулъ и созданія новой формы правового государства, принципиально и существенно отличной отъ той ея формы, которую выработала идеологія и практика либерализма. Кто изъ нихъ правъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы начнемъ съ анализа «новаго» либерализма.

II. «Новый либерализмъ».

На первый взглядъ отличія между новымъ либерализмомъ и классическимъ*) представляются столь значительными, что кажется, что, кромѣ названія, между ними нѣтъ ничего общаго. Въ самомъ дѣлѣ, если правовѣрный либерализмъ мыслить отношеніе публичной власти и отдѣльнаго лица какъ отношеніе взаимнаго безразличія, то новый либерализмъ выставляетъ, напротивъ, идею взаимныхъ правъ и обязанностей между индивидуомъ и государствомъ. Государство не есть просто пассивный зритель естественной взаимной борьбы всѣхъ противъ

(*) Къ наиболее выдающимся представителямъ «новаго либерализма» мы причисляемъ: Самюэля («Новый либерализмъ»), Гобгауза («Liberalism»), Ллойдъ-Джорджа («Better times»), Анри Мишеля («Идея государства»), Клемансо («La mêlée sociale»), Альфр. Фулье («L'Idée du droit»), Вильсона («The new freedom»), П. Брентано («Die Arbeitsguilden der Gegenwart»), изъ русскихъ авторовъ — П. И. Новгородцева («Кризисъ современнаго право сознанія»), Влад. Гессена («Основы конст. права» и статья «Государство» во 2-мъ изд. слов. Брокгауза-Ефрона), И. Покровскаго («Право на достойное существованіе» и «Основные проблемы гражданскаго права»). Настоящій перечень имѣеть, разумѣется, только примѣрный, а не исчерпывающій характеръ.

всѣхъ, вмѣшивающійся въ эту борьбу только тогда, когда она нарушаетъ опредѣленную закономъ сферу свободы отдѣльнаго лица. Нѣтъ, отдѣльныя лица имѣютъ *права* — *притязанія* по отношенію къ государству, и у государства соотвѣтственно имѣются положительныя обязанности по отношенію къ индивидамъ. Такъ каждое лицо имѣетъ право требовать отъ государства извѣстный минимумъ образованія; оно имѣетъ право требовать отъ него вспоможенія въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидъ лишенъ работоспособности (болѣзнь, увѣчья, старость); оно, наконецъ, имѣетъ право требовать отъ государства возможности труда въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидъ не по своей волѣ лишился заработка. Государство въ свою очередь *обязано* оказывать индивиду во всѣхъ этихъ случаяхъ помощь, оно обязано обезпечить «достойное существованіе», которое есть право индивида, а не въ порядкѣ благотворительности оказываемая ему помощь. Признаніемъ «права на достойное существованіе», включающаго въ себя перечисленныя права на образованіе, трудъ и вспоможеніе въ случаѣ болѣзни, увѣчья и старости, и отличается въ первую очередь новый либерализмъ отъ классическаго. Отличіе это граничитъ съ прямой противоположностью. Въ самомъ дѣлѣ, право-вѣрный либерализмъ мыслилъ право въ чисто отрицательныхъ терминахъ. Изъ свободы индивида вытекала для государства лишь обязанность *не* вмѣшиваться въ частную жизнь гражданъ, такъ же какъ и для отдѣльныхъ лицъ право означало невмѣшательство сосѣдей въ отведенную имъ сферу ихъ свободной дѣятельности. Новый либерализмъ, напротивъ, понимаетъ право не только отрицательно, но и *положительно*: государство обязано не только не вмѣшиваться въ частную жизнь гражданъ, но и помогать имъ положительнымъ образомъ въ рядѣ опредѣленныхъ случаевъ. Соотвѣтственно этому и отдѣльныя лица обязаны прямо (наприм. взносы на страхованіе рабочихъ) или косвенно (наприм. школьныя налоги) по отношенію къ другимъ лицамъ положительными актами и при томъ въ порядкѣ не нравственнаго благотворенія, а чисто правового обязательства. Поскольку «права человѣка» составляютъ содержаніе свободы лица, мы имѣемъ здѣсь такимъ образомъ измѣненное понятіе свободы. Свобода не есть болѣе чисто отрицательное состояніе индивида, только запрещающее по отношенію къ нему

опредѣленные поступки, но также и положительное состояніе, предписывающее со стороны другихъ опредѣленные акты (*status positivus* по терминологіи Елминека*).

Столь же рѣзко отличается новый либерализмъ отъ классическаго и въ своемъ пониманіи второго основнаго принципа либерализма — принципа *равенства*. Означая «подчиненіе всѣхъ гражданъ одинаковому закону» (Чи-черинъ), равенство въ правовѣрномъ либерализмѣ понималось тоже чисто отрицательно. Оно означало въ сущности отбѣну привилегій для однихъ группъ общества и запрещеній для другихъ группъ, связанныхъ съ происхожденіемъ и родомъ занятій индивидовъ. Новый либерализмъ, напротивъ, и равенство мыслить надѣленнымъ нѣкоторымъ болѣе положительнымъ содержаніемъ. Такъ напр. равенство въ образованіи заключается уже не въ правѣ каждаго ребенка поступать въ любую школу, къ которой онъ подготовленъ своими знаніями (отбѣна словенныхъ ограниченій и привилегій въ школьной области), но право его получить то именно образованіе, въ которомъ онъ, въ силу особыхъ условій своего существованія, нуждается**). Точно такъ же и равенство въ экономической области заключается не только въ правѣ каждаго заниматься любымъ ремесломъ и торговлей, вступать съ другими лицами въ любые договорныя отношенія, одинаково дозволенные всѣмъ гражданамъ. Оно включаетъ въ себя, по мысли новаго либерализма, также и право пользоваться поддержкой государства въ тѣхъ случаяхъ, когда стихійныя условія жизни превращаютъ экономическую борьбу двухъ лицъ въ одностороннее господство одного надъ совершенно обезличеннымъ существованіемъ другого. Конкуренція, которой отнюдь не отрицаетъ новый либерализмъ, должна носить правовой характеръ, должна быть «*faïe play*» (Майоль-Джорджъ). И хотя самое понятіе конкуренціи, борьбы предполагаетъ различіе и постольку неравенство борющихся сторонъ, это неравенство не должно идти такъ далеко, чтобы борьба превращалась въ голое насиліе, что имѣетъ мѣсто тогда, когда одна изъ борющихся сторонъ уже вступаетъ въ борьбу безъ всякой надежды на побѣду, лишенная всякихъ орудій борьбы, заранѣе обреченная быть ея жертвой.

*) Jellinek, System der subj. öffentl. Rechte.

***) Срв. наши «Основы педагогики», гл. VI.

Именно въ этихъ цѣляхъ облагороженія конкуренціи новый либерализмъ и выводитъ изъ идеи равенства право на тотъ минимумъ образованія, обезпеченія и возможности заработка, наличие котораго позволяетъ и слабѣйшей сторонѣ оставаться даже въ неравной борьбѣ вооруженнымъ противникомъ, а не беззащитной жертвой, неприцѣлемымъ для другого лицомъ, а не простымъ обезличеннымъ орудіемъ въ рукахъ другого. Поддержка слабые, которую тѣмъ самымъ новый либерализмъ считаетъ правовой обязанностью государства, должна не столько ослабить или понизить конкуренцію, сколько, напротивъ, усилить ее постольку, поскольку всякая «честная игра» требуетъ отъ побѣдителя большаго напряженія воли, большаго творчества, чѣмъ игра фальшивая съ заранѣе предрѣшеннымъ исходомъ. Быть можетъ, нѣсколько преувеличенной, но правильно схватывающей основной мотивъ поваго либерализма представляется намъ поэтому та формулировка идеи равенства, которую предлагаютъ нѣкоторые современные представители этого теченія: не просто «равенство передъ закономъ», но «равные шансы для каждаго» (*equal chances for every body*), «равенство исходнаго пункта» въ предстоящей жизненной борьбѣ.

Въ тѣсной связи съ указанными различіями стоитъ также и противоположное отношеніе классическаго и новаго либерализма къ институту *собственности*. Правовѣрный либерализмъ, какъ извѣстно вполнѣ воспринялъ въ себя жесткое понятіе римской собственности, какъ неограниченнаго *juris utendi et abutendi* принадлежащей собственнику вещь. Правда, уже Декларация 1789 г., утверждая ненарушимость и «священность» права собственности, признавала (ст. 17), что «никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, очевидно требуетъ этого, и не иначе какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія». Однако, въ общемъ правовѣрный либерализмъ мыслилъ право собственности «устанавливающимъ полновластіе лица надъ вещью», считая «посягательство на него со стороны государства всегда насиліемъ и неправдой» (Чичеринъ). Въ противоположность этому новый либерализмъ объявляетъ прямой походъ противъ одного вида собственности, именно про-

тивъ собственности *монопольной*. Подъ этой послѣдней мы можемъ разумѣть собственность, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ обладающую исключительнымъ характеромъ и постольку изъятую изъ сферы хозяйственной конкуренціи. Таковымъ собственникомъ-монополистомъ является напр. трестъ, уничтожившій конкуренцію въ своей отрасли промышленности и односторонне диктующій свою волю потребителямъ этой промышленности, а также всѣмъ занятымъ въ ней рабочимъ и служащимъ. Такимъ же монополистомъ является, съ другой стороны, богатый лэндлордъ, односторонне диктующій свою волю окрестнымъ арендаторамъ, или собственникъ нѣдръ, односторонне предписывающій свои условія желающимъ эксплуатировать эти нѣдра предпринимателямъ. Такая монопольная собственность обладаетъ свойствомъ приносить собственнику особый доходъ, рѣзко отличающійся какъ отъ предпринимательской прибыли, такъ и отъ заработной платы. Безъ особой погрѣшности доходъ этотъ можно назвать рентой*). Тѣсное родство его съ земельной рентой оправдываетъ это наименование. Вѣдь по ученію Рикардо и земельная рента, проистекающая отъ различной доходности различныхъ по качеству своему земельныхъ участковъ, имѣетъ основаніемъ своимъ не столько качественныя преимущества однихъ, сколько «недостатокъ земельныхъ участковъ вообще», «скудость природы», т. е. рѣдкость земельныхъ участковъ, ихъ монополизмъ въ этомъ смыслѣ характеръ. И дѣйствительно, крайніе послѣдователи новаго либерализма (сюда относится идущее отъ Генри Джорджа движеніе «земельной реформы») отвергаютъ также и право собственника на земельную ренту**). Предлагая обратить ренту изъ дохода отдѣльнаго собственника въ доходъ общественный (государства и общественныхъ самоуправленій), они тѣмъ самымъ хотятъ лишить земельную собственность ея монопольнаго

*) Срв. *Зелигманъ*. Основы пел. экон. §161.

***) Поскольку, отвергая всякую монополию какъ зло, *Дж. Ст. Милль* видѣлъ въ рентѣ «результатъ естественной монополии» и выдѣлялъ земельную собственность, какъ обоснованную «только при извѣстныхъ условіяхъ ограниченія въ правѣ собственности на землю», онъ можетъ почитаться предшественникомъ новаго либерализма. См. «Принципы политической экономіи», кн. II, гл. 2 и 16. Срв. также извѣстное изложеніе имъ своихъ социально-политическихъ взглядовъ въ «Автобіографіи».

характера, приравнять ее ко всемъ другимъ видамъ собственности, дающей лишь «заработанный доходъ» въ видѣ предпринимательской прибыли. Не идущіе столь далеко представители новаго либерализма ограничиваются пока борьбой съ трестированной собственностью (Вильсонъ), съ собственностью крупныхъ земельныхъ магнатовъ, съ городской земельной собственностью, приростъ цѣнности которой явно обусловленъ предпринимчивостью не собственника, а общества или сосѣдей, съ собственностью на недра земли и т. п. (reversion duty, налоги на «unearned increment», «undeveloped land» и «ungotten minerals» въ бюджетѣ Ллойд-Джорджа 1909-1910 г.). Однако, обоснованіе ими направленныхъ противъ этихъ видовъ собственности мѣропріятій явно не соответствуетъ и ходу мыслей Дж. Ст. Милля и всей развитой нами выше идеологіи новаго либерализма. И здѣсь мотивомъ измѣненнаго отношенія къ собственности является стремленіе облагородить конкуренцію, въ случаѣ монополярной собственности фактически вырождающуюся въ unfairplay, въ одностороннее господство собственника надъ другими лицами, обращающимися черезъ то въ простое орудіе его воли. Собственность оправдана лишь какъ поприще личной свободы. Монополярная же собственность, напротивъ, устраняетъ свободу инициативы. Въмѣсто того, чтобы служить развитію производительныхъ силъ и побуждать къ экономическому творчеству, она напротивъ потворствуетъ косности, упраздняя конкуренцію, а въ иныхъ случаяхъ даже непосредственно исключая вещи отъ возможности приложенія къ нимъ труда (собственность на намѣренно удерживаемую отъ застройки, отъ разработки и т. д. землю). Такимъ образомъ новый либерализмъ отвергаетъ монополярную собственность и пріостекающей отъ нея доходъ-ренту въ установленномъ выше широкомъ смыслѣ этого слова. Въ прѣдѣлахъ имъ отвергается и земельная рента вообще, подлежащая обращенію въ доходъ общества. Однако было бы односторонне утверждать, что новый либерализмъ просто жертвуетъ интересами землевладѣнія въ пользу интересовъ промышленниковъ. Такое утвержденіе далеко не исчерпываетъ развитыхъ нами выше его идеологическихъ мотивовъ, не говоря уже о томъ, что оно непримѣнимо даже къ англійскимъ представителямъ новаго либерализма, практическія мѣропріятія которыхъ не только направлены противъ крупнаго

землевладѣнія, но и ограничиваютъ существеннымъ образомъ интересы крупной промышленности.

Разсмотрѣнными тремя пунктами исчерпываются въ сущности основныя отличія новаго либерализма отъ «классическаго». Изъ нихъ однако вытекаютъ два слѣдствія, особенно рѣзко отбѣняющія противоположность между обоими ученіями. Прежде всего новый либерализмъ чрезвычайно *расширяетъ сферу дѣятельности государства*. Обеспеченіе права на достойное существованіе и борьба съ монополюющей собственностью требуютъ такого усиленія активности государства въ области положительной культурной работы (школы, страхованіе, промышленность, земледѣліе, торговля), которая не представлялась возможной правовѣрному либерализму. Итъ, повидимому, ни одной области общественнаго бытія, въ которой государство не имѣло бы своихъ органовъ. Сколь противоположенъ этотъ взглядъ на задачи государства хотя бы по возрѣнію молодого Гумбольдта, для котораго высшая добродѣтель государства заключалась въ максимальномъ бездѣйствіи и который определенно исключалъ изъ сферы вѣдѣнія публичной власти и школьное дѣло и экономическую жизнь*).

Наконецъ, съ измѣненнымъ взглядомъ на задачи государства тѣсно связанъ вопросъ объ участіи гражданъ въ осуществленіи государственной власти (законодательствѣ, управленіи и судѣ). И здѣсь опять таки новый либерализмъ стоитъ на позиціи, прямо противоположной классическому либеральному возрѣнію. Еще Бенжаминъ Констанъ могъ противопоставлять современную свободу, какъ независимость индивида отъ государственной власти, свободѣ древнихъ, понимавшихъ ее какъ участіе въ государственной власти. Послѣдняя, по мнѣнію Бенж. Констана, не только не связана съ первой, но даже подвергаетъ первую опасности, поскольку обосновывающая ее теорія пароднаго суверенитета склонна отвергать

*) Срв. Ideen zu einem Versuch, die Gränzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen (написано въ девятидесятыхъ годахъ XVIII в.). 1-й принципъ: «Государство должно воздерживаться отъ всякой заботы о положительномъ благосостояніи гражданъ и не должно дѣлать ни одного шага за предѣлы того, что необходимо для ихъ безопасности противъ нихъ самихъ и вѣдлившихъ враговъ; ни для какой иной цѣли не должно оно ограничивать ихъ свободы».

неприкосновенность для воли народа личных прав и свобод *). Новый либерализм, напротив, далек от такого противопоставления. Расширение избирательного права, привлечение к законодательству и управлению широких слоев народа, непосредственно заинтересованных в способе разрешения государством новых многочисленных задач, вставших перед ним, представляется ему естественной гарантией надлежащего разрешения публичной властью этих задач. Постольку новый либерализм принципиально стоит на точке зрения «демократии». При этом эта последняя для него не столько самодержавие народа в том смысле, какой ей приписывала, согласно Б. Констану, античность и Французская Революция, сколько гарантия осуществления прав на достойное существование, обеспечения каждому свободы и равенства в их новом, расширенном понимании.

При всей отменной противоположности воззрений классического и нового либерализма естественно встает вопрос: прав ли последний, присваивая себе старое наименование? Не представляет ли он собою просто эклектического смешения идеи правового государства, как ее понимал либерализм, с социалистическими требованиями критиков последнего? Таков именно взгляд на новый либерализм большинства его противников и адептов. Известна напр. формула Самюэля (указ. соч.), следующей образом выражающая различие между новым и старым либерализмом: правовое равенство и свобода предполагают определенный уровень материального благосостояния, при отсутствии которого они вырождаются в лишенные всякого реального значения формы. Классический либерализм игнорировал эту связь права и благосостояния и постольку вызывал справедливые упреки в формализм. Чисто правовое, формальное равенство должно быть поэтому восполнено социальным равенством, точнее — мѣрностями, смягчающими чрезмерное социальное неравенство. Идея Права должна быть восполнена идеей Блага. Но не означает ли тѣм самым новый либерализм измѣны принципу свободы вообще, отступления от нея в пользу и под натиском чужеродного начала социализма? Вѣдь реаль-

*) De la liberté des anciens.. (перепеч. в Cours de politique constit., ed. Laboulaye, T. II).

ное содержаніе и практическая правда социализма и сводятся, повидимому, къ требованію права на достойное существованіе*), которымъ именно новый либерализмъ и отличается отъ классическаго.

III. «Новая свобода — старая свобода».

Попытки вывести «новый либерализмъ» изъ «стараго», т. е. показать, что «новая свобода» не только не противорѣчитъ основнымъ принципамъ либерализма, но есть не что иное, какъ вызванное измѣнившейся жизненной обстановкой углубленіе и развитіе все той же вѣчной идеи правовой свободы, дѣлались неоднократно. Не входя подробно въ разборъ отдѣльныхъ теорій**), я по стараюсь здѣсь въ основныхъ чертахъ резюмировать итоги произведенной въ этомъ направленіи большой работы мысли. Что уже чисто отрицательная идея свободы, какъ разграниченія одинакимъ для всѣхъ закономъ окружающаго каждую отдѣльную личность сферу ея произвольнаго самоопредѣленія, содержитъ въ себѣ минимумъ положительныхъ притязаній индивида и соответствующихъ обязанностей государства, было прекрасно показано Баллегомъ***). Въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ противозаконнаго злоупотребленія свободой, т. е. вторженія въ сферу свободы другого лица, это послѣднее вправе требовать отъ государства помощи, и государство обязано оказать содѣйствіе обиженному. Заключающееся въ самомъ понятіи отрицательной свободы право на правосудіе есть такимъ образомъ минимумъ «свободы положительной»: въ немъ какъ въ зародышѣ содержатся уже всѣ права — притязанія на положительную помощь со стороны государства, такъ же какъ религіозная свобода въ зародышѣ содержала въ себѣ уже всю полноту отрицательныхъ свободъ либерализма****). Конечно, между

*) Срв. П. Новгородцевъ: «Объ общественномъ идеалѣ». Заключеніе.

**) См. особенно указанныя выше сочиненія Анри Мишеля, Габгауза, Вильсона, П. Новгородцева и I. Покровскаго.

***) System der subjekt. offenthl Rechte.

****) Поскольку всякому праву соответствуетъ обязанность, государство и въ теоріи классическаго либерализма мыслилось съ строго юридической точки зрѣнія не безразличнымъ къ отдѣльнымъ гражданамъ, а обязаннымъ передъ ними въ мѣру на-

правомъ на трудъ и на образованіе, съ одной стороны, и «правомъ на правосудіе», съ другой, имѣется существенное различіе. Право на правосудіе охраняетъ уже готовую и разъ навсегда отмѣренную сферу свободы, а право на образованіе — свободу будущую, находящуюся какъ бы въ процессѣ роста и развитія. Право на правосудіе охраняетъ готовую и законченную сферу окружающихъ личность прирожденныхъ правъ, право на трудъ — самую непроницаемость личности для другого лица, возможность для нея сопротивляться стихіи и личности сильнаго, готовыхъ превратить лицо въ простое, пронизываемое для чужой воли средство. Тѣмъ самымъ понятія свободы и личности въ новомъ либерализмѣ мыслятся болѣе широко и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе углубленно. Свобода понимается не какъ нѣчто готовое и законченное, въ одинаковой степени отмѣренное всеѣмъ лицамъ, а какъ качество личности, находящееся въ непрерывномъ процессѣ, могущее расширяться и сужаться, расти и вырождаться. Сфера личныхъ правъ понимается не въ своемъ опредѣленномъ, всегда исторически-обусловленномъ содержаніи, а въ своемъ существѣ, какъ *непроницаемость личности для другого лица*, въ томъ числѣ и государства, какъ то безусловное ядро личности, въ силу котораго она не можетъ превратиться въ простое орудіе удовлетворенія чужихъ потребностей. Если угодно, такое пониманіе свободы и личности болѣе формально, ибо оно не ограничиваетъ существа свободы и личности конкретными «правами», могущими разъ навсегда быть перечисленными въ «вѣчной» Декларациі правъ. Но, съ другой стороны однако оно и болѣе матеріально постольку, поскольку способно въ большей мѣрѣ воспринять полноту фактическихъ отношеній, многообразную матерію дѣйствительной жизни. Спустившись еще глубже въ подпочву философскаго обоснованія нашихъ понятій, мы легко найдемъ, что индетерминистическое пониманіе свободы, какъ равной и одинаковой у всеѣхъ возможности произвольнаго дѣйствія, замѣняется здѣсь болѣе современнымъ и менѣе механическимъ пони-

дѣленности ихъ субъективными публичными правами. Эта чисто отрицательная обязанность государства уважать субъективные права содержала въ себѣ цѣлый рядъ вытекающихъ изъ нихъ положительныхъ обязанностей, котромя въ общемъ и объемлются терминомъ «право на правосудіе».

маніемъ свободы, какъ возможности личнаго творчества, въ которой только личность обрѣтаетъ себя самое*). Я менѣ всего склоненъ преуменьшать глубокое различіе, которое, какъ въ плоскости практической политики такъ и въ плоскости философскаго обоснованія, существуетъ между классическимъ и «новымъ» либерализмомъ. Но, съ другой стороны, поскольку самое существо отрицательной свободы классическаго либерализма имѣло своей цѣлью утвержденіе безусловной цѣнности личности, право ея по своему искать свое назначеніе въ жизни, нельзя не признать, что новый либерализмъ не измѣняетъ идеямъ свободы и права, эклектически дополняя ихъ идеями социальнаго уравнианія и экономическаго благополучія, а возвращаетъ идеѣ свободы ея подлинный смыслъ, грозившій быть совсѣмъ утраченнымъ въ силу измѣнившейся жизненной обстановки. Поэтому Вильсонъ и Гобгаузъ, утверждающіе, что «новая свобода есть старая свобода», болѣе правы въ своемъ оправданіи новаго либерализма, чѣмъ Самюэль, эклектически истолковывающій его какъ сочетаніе по существу разпородныхъ принциповъ права и благополучія. Въ противоположность извѣстному воззрѣнію Дюги мы должны признать, что идея личности и ея «прирожденной непропицаемости» въ состояніи обосновать не только сферу отрицательныхъ свободъ, но и положительныя обязанности общества (и значитъ каждаго его члена) по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя, логически вытекая изъ первыхъ, совсѣмъ не требуютъ отказа отъ идеи личности и замѣны ея идеями «социальной взаимозависимости» и функціи**).

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно новаго понятія равенства, какъ «равенства исходнаго пункта». И здѣсь опять таки равенство понимается не отрицательно, какъ отсутствіе сословныхъ привилегій и препятствій къ продвиженію впередъ по общественной лѣстницѣ единственно «въ мѣру способностей и безъ всякихъ другихъ различій кромѣ различій въ добродѣтели и талан-

*) Срв. особенно *Гобгауза*, гл. VI, и *Апри Мишель*, Заключение. Знаменательна связь теоріи послѣдняго съ этической системой Ренувье. Срв. и наши «Основы педагогики», гл. 3 и 6.

***) Срв. L. Duguit, *L'Etat, le droit objectif et la loi positive*, 1901. *Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'Etat*. 1908.

тахъ» (п. 6 Декл. правъ), но въ извѣстной мѣрѣ положи- тельно — какъ предоставленіе каждому лицу условій, содѣйствующихъ такому продвиженію. Система «единой школы», задача которой заключается въ томъ, чтобы каждому лицу дать возможность въ полной мѣрѣ развить свою индивидуальность и тѣмъ самымъ найти свое мѣсто въ жизни, именно потому и является центральнымъ пунктомъ программы новаго либерализма. Вполнѣ правильно поэтому Клемансо провозгласилъ, что «проблема демократіи есть прежде всего проблема образованія». Это положительное понятіе равенства опять таки въ извѣстной степени и болѣе формально, чѣмъ понятіе равенства классическаго либерализма — поскольку оно не исчерпывается одинаково для всѣхъ отмѣренными и разъ навсегда формулированными правами личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе матеріально — поскольку оно стремится вобрать въ себя все пестрое многообразіе фактической дѣйствительности. Уже изъ этого ясно, что основная ошибка классическаго либерализма — его чрезмѣрный формализмъ въ пониманіи имъ свободы и равенства — заключалась скорѣе въ избыткѣ матеріальныхъ моментовъ, въ недостаточно чистомъ отграниченіи самой идеи равенства отъ конкретно историческихъ условій ея воплощенія *). Его философская ограниченность заключалась въ томъ, что онъ не вышелъ за предѣлы унаслѣдованной имъ въ сущности еще отъ абсолютизма чисто механической концепціи общества, какъ агрегата одинаковыхъ атомовъ-гражданъ, которые, будучи поставлены въ одинаковыя условія, дадутъ максимумъ возможной энергіи. Обычное возраженіе анархизма и социализма, что либерализмъ предполагаетъ фактическое равенство всѣхъ гражданъ и, помѣщая ихъ всѣхъ въ одинаковыя условія, отвлекается отъ факта ихъ различной экономической мощи, исполнено поэтому глубокаго смысла. Въ противоположность этому новый либерализмъ — правда еще въ значительной мѣрѣ ощупью — восходитъ къ новому, болѣе органическому и конкретному пониманію общества, какъ живой цѣлостности, какъ единства многообразія, въ которомъ каждый членъ, фактически отличный отъ другого, занимаетъ свое особое и незамѣнимое, т. е. индивидуальное мѣсто. Самое понятіе равенства освобождаетъ

*) Срв. наши «Основы педагогики», гл. 6, § 3.

ется тѣмъ самымъ отъ своего привкуса фактической одинаковости и очищается до понятія *равноцѣнности фактически различныхъ* между собою личностей. И опъ таки, какъ ни отлично это понятіе равенства отъ того, которое выдвигалъ классическій либерализмъ, именно оно удовлетворяетъ самому сокровенному мотиву послѣдняго, въ свое время сообщившему ему весь его пафосъ и побудившему авторовъ Декларациі правъ выставить приведенную выше формулу.

Если мы обратимся къ понятію собственности, выдвигаемому новымъ либерализмомъ, то мы придемъ къ тѣмъ же результатамъ. Новый либерализмъ отрицаетъ монопольную собственность и ренту, какъ «незаработанный доходъ», проистекающій изъ монопольнаго характера собственности. По отношенію къ классическому либерализму, устанавливавшему «полновластіе лица надъ вещью» и отвергавшему всякое ограниченіе правъ собственника, въ томъ числѣ и права пользованія плодами собственности, какъ «насиліе и неправду», это прямое противорѣчіе. И вмѣстѣ съ тѣмъ новый либерализмъ не только не отрицаетъ частной собственности, но стремится вернуть ей утраченный ею, по его мнѣнію, въ настоящее время ея первоначальный смыслъ. Послѣднее основаніе собственности классическій либерализмъ видѣлъ въ томъ, что *собственность есть матеріальное попріще личности*, основа личнаго хозяйственнаго и вообще культурнаго творчества, какъ бы самопродолженіе личности въ вещахъ. Новый либерализмъ исходитъ именно изъ этой идеи собственности. Но въ отличіе отъ классическаго либерализма, онъ опять таки понимаетъ свободу собственности и связь между личностью и вещью не механически, какъ готовую и разъ навсегда данную, а органически, какъ непрерывно создаваемую, подверженную равно росту и вырожденію. Въ монопольной собственности вещь перестаетъ быть попріщемъ творческой дѣятельности лица. Связь между лицомъ и вещью, которую сами теоріи собственности классическаго либерализма мыслятъ какъ связь активную (оба извѣстныхъ оправданія собственности — теорія труда и теорія завладѣнія — въ активномъ характерѣ созданія вещи или ея открытія видятъ оправдывающее существованіе ея существо), въ монопольной собственности вырождается. Собственность перестаетъ быть ареною свободы лица и становится убѣжищемъ косности и одно-

стороннимъ орудіемъ произвола. Въдъ въ самомъ классическомъ либерализмѣ понятія собственности и конкуренціи мыслились сопряженно: конкуренція понималась какъ регуляторъ собственности, долженствующій поставить на мѣсто собственника какой-либо вещи то именно лицо, которое въ состояніи проявить максимумъ производительныхъ силъ, въ данной вещи сокрытыхъ. Но разъ собственность изымается изъ конкуренціи (а въ этомъ именно и состоитъ существо монополярной собственности), она перестаетъ быть максимально-производительной, и предполагаемое классическимъ либерализмомъ совпаденіе частнаго интереса и общаго блага становится явно иллюзорнымъ. Поэтому именно для восстановленія конкуренціи, а не для ея ослабленія новый либерализмъ и стремится ставшую монополярной собственность лишить ея монополярнаго характера. Тѣмъ самымъ не только облагораживается и усиливается конкуренція, но и восстанавливается утраченная связь между лицомъ и вещью — черезъ возрожденіе активнаго отношенія собственника къ его вещи или черезъ естественный переходъ вещи отъ лица, въ ней творчески заинтересованнаго, къ другому, могущему проявить себя въ ней активно.

Существенно при этомъ то, что новый либерализмъ не лишаетъ собственника его вещи. Онъ только лишаетъ собственность ея *монополярнаго характера* и, возвращая ее конкуренціи, придаетъ ей вновь общественный характеръ — совершенно въ духѣ классическаго либерализма, мыслившаго «общество» именно въ терминахъ конкуренціи, какъ совокупность сталкивающихся между собою атомовъ — хозяйственныхъ субъектовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, не удовлетворяясь «естественнымъ переходомъ» собственности изъ однихъ рукъ въ другія, онъ не останавливается передъ принудительнымъ отчужденіемъ собственности (напр. земли въ пользу арендаторовъ, или данной отрасли промышленности въ пользу государства), принципъ «справедливаго вознагражденія» означаетъ именно, что принудительное отчужденіе имѣетъ въ виду не лишеніе собственника принадлежащей ему вещи, а лишеніе собственности ея монополярнаго характера. Принудительное отчужденіе и оправдывается только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это послѣднее фактически невозможно безъ замѣны данной собственности ея экономическимъ эквивалентомъ.

Не трудно показать, что даже чрезвычайное расширение дѣятельности государства, которое характерно для новаго либерализма и которымъ онъ, повидимому, столь разительно отличается отъ либерализма классическаго, не отмѣняетъ, а лишь углубляетъ и расширяетъ («отмѣняетъ» въ Гегелевомъ смыслѣ) основной мотивъ послѣдняго — мысль, что государство должно ограничиваться только охраной Права и воздерживаться отъ принудительнаго приведенія своихъ подданныхъ къ опредѣленно понимаемому Благу. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ и самый взглядъ на право, какъ на совокупность чисто отрицательныхъ нормъ, *запрещающихъ* извѣстные поступки, но никогда не *предписывающихъ* положительныхъ дѣйствій. Къ этому сводится въ сущности и мысль о только формальномъ характерѣ права, которую Бенж. Констанъ выразилъ въ классической формулѣ: «пусть власть ограничителъ задачей блюсти справедливость; мы сами уже сумѣемъ сдѣлаться счастливыми».

Конечно, между государствомъ В. Констана и государствомъ «народнаго бюджета» Ллойдъ-Джорджа имѣется существенное различіе: тамъ государство ограничивалось охраной собственности въ узкомъ смыслѣ этого слова; здѣсь нѣтъ ни одной области культурной жизни, въ которую оно такъ или иначе не вмѣшивалось бы. Оно субсидируетъ школы, строитъ новыя и управляетъ ими, устанавливаетъ условія труда, строитъ жилища для рабочихъ, вмѣшивается въ отношенія между арендаторами и лэндлордами, страхуетъ рабочихъ и т. д. и т. д. Но замѣчательно, что во всей этой положительной дѣятельности помощи слабому оно старается не переступить извѣстной черты, соблюденіе которой позволяетъ намъ и эту многостороннюю положительную дѣятельность назвать въ какомъ то болѣе глубокомъ и тонкомъ смыслѣ также только отрицательной и охранительной дѣятельностью. Въ этомъ отношеніи особенно интересна аргументація Ллойдъ-Джорджа въ пользу необходимости учрежденія государствомъ сельско-хозяйственной высшей школы*). Въ нашей странѣ, говоритъ онъ, ежегодно десятки тысячъ лицъ, безъ всякой со своей стороны вины, исключительно въ силу стихійныхъ условій развитія промышлен-

*) Первая рѣчь о бюджетѣ 1909-1910 г. Срв. The People-Budget. Lond. 1909.

ности (напр. вслѣдствіе технических усовершенствований), терять возможность заработка. Государство обязано обеспечить имъ такую возможность, а для этого нужно создать такой фондъ труда, который отличался бы максимальной эластичностью, т. е. могъ бы, въ соотвѣтствіи съ данной экономической конъюнктурой, по мѣрѣ надобности расширяться или сжиматься и самъ бы не испытывалъ кризисовъ. Такимъ фондомъ въ настоящее время, по мнѣнію Ллойдъ-Джорджа, является для Англійи сельское хозяйство, которое можно было бы возродить, вернувъ для обработки громадные пустующія угодья англійскихъ магнатовъ. Но для этого необходимъ достаточный кадръ специалистовъ-агрономовъ, почему государство и должно озаботиться поднятіемъ въ странѣ сельско-хозяйственнаго образованія. Мы не входимъ здѣсь въ обсужденіе матеріальной правильности приведенной аргументаціи. Для насъ важенъ сейчасъ ея какъ бы формальный стиль, самый ходъ мысли, которымъ здѣсь оправдывается расширеніе дѣятельности государства. Государство здѣсь безспорно ставитъ себѣ цѣлью положительную культурную задачу, око вмѣшивается въ «естественный» процессъ экономического развитія, преслѣдуетъ здѣсь нѣкоторое опредѣленное «благо». И не все ли равно, дѣлается ли это для обезпеченія «права на трудъ» или для «поднятія благосостоянія народа», для укрѣпленія «мощи государства» или для освобожденія государства отъ зависимости отъ внѣшней торговли, какъ ту же самую мѣру обосновывалъ бы прусскій абсолютизмъ или англійскій протекціонизмъ?

Существенное отличіе новаго либерализма отъ послѣдняго и родство его съ либерализмомъ классическимъ заключается однако въ томъ, что даже *самое «благо» въ немъ является только орудіемъ права* и преслѣдуется только въ мѣру права*). Вслѣдствіе этого и самый способъ, или методъ положительной культурной дѣятельности государства продолжатъ сохранять свой «либеральный» отпечатокъ. Это особенно ярко видно на примѣрѣ школьной политики новаго либерализма**). Если абсолютизмъ, исходя изъ идеи Блага, предписывалъ даже университетскому преподавателю содержаніе преподаваемой имъ

*) Срв. *H. Michel*, 613 сл.

**) Срв. «Основы педагогики», гл. 6.

истины, то новый либерализмъ, для котораго благо есть только орудіе свободы, ограничивается предписаніемъ опредѣленнаго качественного уровня школьнаго обученія, не входя въ содержаніе преподаваемой истины. «Все, что не воспрещено закономъ, то дозволено» — это, сформулированное еще Декларацией правъ (п. 5), основное положеніе правового государства остается въ полной мѣрѣ дѣйствительнымъ и въ новомъ либерализмѣ. Правда, свои «запрещенія» государство въ пониманіи новаго либерализма облекаетъ очень часто въ форму положительныхъ предписаній (напр., въ мѣстѣ, гдѣ имѣется столько то нигдѣ не обучающихся дѣтей школьнаго возраста, такой то органъ долженъ открыть школу, причемъ подъ школой подразумѣвается слѣдующее: такой то минимумъ предметовъ, учебныхъ дней, учителей, преподавательскаго вознагражденія и т. п.). Но эти предписанія имѣютъ своей цѣлью не внѣдреніе принудительнымъ образомъ нѣкакого догматически принятаго блага, а обезпеченіе роста какъ личной свободы отдѣльныхъ гражданъ, такъ и творческой инициативы мѣстныхъ общественныхъ силъ. Идея права поэтому отнюдь не связана необходимо съ вышше отрицательной («запретительной») формой выражающихъ правовую норму сужденій. Только механическое пониманіе свободы, какъ безусловнаго произвола внутри разъ навсегда отмѣренной сферы личнаго самоопредѣленія, могло привести къ такому взгляду. Развитое выше расширенное пониманіе свободы силою и рядомъ требуетъ предписанія положительныхъ актовъ, хотя въ послѣднемъ своемъ мотивѣ акты эти имѣютъ своею цѣлью не замѣну свободы и личнаго творчества усмотрѣніемъ знающей абсолютное благо власти, а обезпеченіе нѣкотораго минимальнаго уровня свободы и творчества. Съ другой стороны, отрицательно-запретительная форма правовыхъ сужденій слишкомъ часто въ дѣйствительности вырождается въ содѣйствіе опредѣленно-положительнымъ дѣйствіямъ, что имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ конкуренція уступаетъ мѣсто той или иной монополіи. Такъ въ области школьной невмѣшательство государства въ Англій до 1873 г. означало въ дѣйствительности положительное содѣйствіе англиканской церкви; а въ Бельгій и Франціи «свободу обученія», какъ извѣстно, отстаивали въ концѣ XIX вѣка и началѣ XX тѣ клерикальные круги, которые менѣе всего были склонны раздѣлять принципы либерализма.

Понятіе «минимума» въ этой связи представляется особенно существеннымъ: стремясь обезпечить лишь минимумъ образованія, минимумъ заработка и минимумъ обезпеченности, новый либерализмъ тѣмъ самымъ какъ бы подчеркиваетъ, что мѣропріятія государства не должны замѣнять собою частной инициативы и индивидуальныхъ усилій въ направленіи достиженія образованія, заработка и обезпеченности, но лишь оградить эти усилія, обезпечить имъ возможность проявленія и тѣмъ самымъ охранить нѣкоторый средній уровень свободы и творчества отъ возможнаго вырожденія. Въ этомъ смыслѣ онъ остается вѣренъ идеѣ отрицательнаго только характера права, хотя, въ силу расширеннаго, органическаго пониманія свободы, и понимаетъ отрицательность шире — какъ *огражденіе непроницаемости лица*, какъ созданіе прочнаго костяка личной свободы и инициативы. Свобода не есть разъ навсегда отмежеванная сфера произвола, она растетъ, и въ процессѣ этого роста образуется какъ бы нѣкоторый ея скелетъ, нѣкоторый обезпечивающій ея ростъ минимумъ ея, который право и формулируетъ равно въ отрицательно-запретительныхъ и положительно-побудительныхъ нормахъ.

Конечно, въ дѣйствительности иногда очень трудно бываетъ соблюсти мѣру и не преступить той грани, за которой ограждающій право минимумъ блага переходитъ въ игнорирующее право лица благо. Для этого нужна сильная правовая традиція, проявляющая себя не только даже въ законодательствѣ, сколько въ повседневныхъ мелочахъ административной и судебной практики. Сравненіе хотя бы школьной политики англійскихъ правительственныхъ органовъ и французскаго правительства показываетъ, что проблема, подлежащая разрѣшенію, далеко не столь проста. Но она разрѣшима — эта проблема ограниченія свободы ради ея обезпеченія, и разрѣшима только тогда, когда идея ограниченія будетъ понята шире, нежели т. наз. отрицательный характеръ правовыхъ нормъ.

Если мы, наконецъ, обратимся къ послѣднему пункту, которымъ новый либерализмъ отличается отъ классическаго — къ проблемѣ т. наз. демократіи, то увидимъ, что и здѣсь — будучи ему въ своихъ практическихъ требованіяхъ прямо противоположенъ — онъ остается ему вѣренъ въ его послѣднихъ мотивахъ. Въ эпоху пра-

вового утопизма (жирондисты являются опять таки въ этомъ отношеніи классическимъ примѣромъ) демократія и свобода естественно сливались другъ съ другомъ: согласно Декларации правъ «свобода опредѣляется закономъ», который понимался какъ «выраженіе общей воли» (п. п. 4 и 6). Послѣдняя же естественно осуществлялась черезъ участіе всѣхъ гражданъ въ выборахъ представителей законодательной и исполнительной властей. Якобинская диктатура разрушила эту оптимистическую вѣру въ естественное согласіе «общей воли» со свободой отдѣльнаго гражданина. Извѣстная рѣчь Б. Константа о различіи между современной свободой и свободой древнихъ и явилась яркимъ выраженіемъ этого разочарованія. Поэтому правовѣрный либерализмъ XIX вѣка уже *противопоставляетъ* свободу, какъ невмѣшательство государственной власти, демократіи, какъ суверенитету «общей воли». Отвергая «общую волю» народа, какъ противорѣчащую принципу отрицательной свободы, онъ встрѣчается здѣсь опять таки съ анархизмомъ и коммунистическимъ социализмомъ. Для этихъ послѣднихъ «общая воля» есть метафизическая фикція, прикрывающая диктатуру экономически господствующаго класса. Въ дѣйствительности общество раздѣлено на классы, диаметрально противоположные интересы которыхъ исключаютъ возможность какого бы то ни было соглашенія, не говоря уже объ «общей волѣ» народа. Новый либерализмъ опять таки въ извѣстной мѣрѣ возвращается къ первоначальному воззрѣнію классическаго либерализма. Конечно, «общая воля» не есть для него уже готовая сущность, которую избранное путемъ всеобщаго голосованія собраніе отражаетъ такъ, какъ «карта Франціи отражаетъ всю страну во всѣхъ ея географическихъ особенностяхъ». Но не будучи готовымъ фактомъ, который остается только познать посредствомъ совершенной системы избирательнаго права, общая воля не становится отъ этого фикціей. Мнимая, какъ готовый существующій фактъ, она реальна, какъ цѣль, или какъ заданіе политическаго дѣйствія*).

*) Что и для Руссо «общая воля» не будучи «волею всѣхъ», совпадала съ естественными правами гражданина и постольку не могла нарушать его свободы», — прекрасно показано Г. Д. Гурвичемъ. «Руссо и Декларация правъ». Изр. 1917.

Срв. въ особеннѣсти прекрасный анализъ П. Новгородцева въ «Кризисѣ современнаго правосознанія».

Задача всякаго акта государственной власти и заключается въ томъ, чтобы *создавать* общую волю, искать ее путемъ непрерывнаго сглаживанія интересовъ, путемъ отказа отдѣльныхъ общественныхъ группъ отъ односторонняго господства въ обществѣ ихъ интересовъ, исключая всѣ другіе. Ирреальная, какъ предметъ знанія, который совершенная система избирательнаго права сама собою отражаетъ, общая воля реальна какъ *задача дѣйствія*, какъ регулятивъ, или методъ властвованія. Здѣсь мы имѣемъ то же самое, что выше установили относительно понятія свободы: подобно тому, какъ пониманіе свободы, какъ процесса творческой активности, отличаетъ новый либерализмъ отъ стараго и одновременно возвращаетъ ему сокровенный мотивъ послѣдняго, такъ и здѣсь «общая воля» и, значитъ, принципъ демократіи реабилитируется въ новомъ либерализмѣ черезъ углубленіе понятія общей воли, которая мыслится уже не какъ готовый, только отображаемый фактъ, а какъ непрерывно усиленіями всѣхъ общественныхъ группъ создаваемый *процессъ*.

Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ важныхъ практическихъ слѣдствій. Хотя и нѣтъ совершенной системы избирательнаго права, какъ нѣтъ и готовой общей воли, но расширеніе избирательнаго права и реорганизация его въ направленіи представительства интересовъ меньшинства необходимы для того, чтобы всѣ слои общества принимали участіе въ законодательствѣ. Только тогда законъ, устанавливающий содержаніе правовой свободы, будетъ не выраженіемъ исключительнаго господства какого-нибудь одного класса, а «соціальнымъ компромиссомъ», придающимъ классовой борьбѣ правовой характеръ. «Самодержавіе народа» не есть поэтому догма, въ жертву которой должны быть принесены всѣ другія начала общежитія. Расширеніе избирательнаго права есть только орудіе и средство для созданія общей воли, т. е. для приданія борьбѣ общественныхъ группъ правового характера, *качества* права и для обезпеченія путемъ законодательства и управленія осуществленія тѣхъ правъ на «достойное существованіе», въ которыхъ реально заинтересованы именно широкіе круги экономически зависимаго населенія.

Если «общая воля» не есть готовый фактъ, а только заданіе, то значитъ всѣ группы общества могутъ лишь стремиться къ ней, участвовать въ созданіи ея, но никто не вправе считать себя единственнымъ и подлиннымъ

выразителемъ. Отсюда именно слѣдуетъ принципиальная ограниченность всякой власти, отрицаніе какой бы то ни было диктатуры. На мѣсто суверенитета народа, который, вслѣдствіе отсутствія общей воли какъ факта, на дѣлѣ всегда вырождается въ господство какой-нибудь группы, самозванно выдающей себя за весь народъ, становится тѣмъ самымъ «суверенитетъ права»*), которому всякая власть, только созидаящая, а не выражающая общую волю, должна подчиняться. Какъ Благо въ новомъ либерализмѣ есть только орудіе Права, которому принадлежитъ гегмонія, такъ и общая воля есть только средство правового суверенитета. Такъ существенно мѣняется въ новомъ либерализмѣ понятіе демократіи. Она менѣе всего есть неограниченное «самодержавіе народа». Напротивъ, въ извѣстной мѣрѣ она есть принципиальное отрицаніе всякаго самодержавія, принципиальное признаніе того, что никто не является обладателемъ абсолютной истины, какъ общей воли народа, но что послѣдняя есть только предметъ общаго исканія, къ процессу котораго должны быть приобщены поэтому возможно болѣе широкіе круги народа. Поэтому глубоко правъ Кельсенъ, опредѣляющій демократію, какъ *господство релятивизма*, какъ отрицаніе за каждымъ права считать себя выразителемъ абсолютной истины и признаніе за каждымъ права участвовать въ ея совокупномъ исканіи**).

Конкретно, это означаетъ существенное измѣненіе во взглядѣ на роль и задачу въ обществѣ государственной власти. Для классическаго либерализма общество состояло изъ отдѣльныхъ атомовъ—гражданъ, конкурирующихъ между собой и въ процессѣ этой взаимной борьбы нарушающихъ разграниченныя правомъ сферы личнаго произвола. Съ этой точки зрѣнія роль государства, какъ это особенно ярко выразилъ молодой Гумбольдтъ, сводилась къ тому, чтобы быть *безпристрастнымъ судьей* въ спорахъ отдѣльныхъ гражданъ между собою. Судить на основаніи установленнаго закона, разъ навсегда размежевавшаго сферы личнаго произвола, — въ этомъ правовѣрный либерализмъ видѣлъ единственную задачу государственной власти. Для новаго либерализма и свобода и общая воля находятся въ состояніи органическаго роста. Послѣ критики

*) Срв. Krabbe Die Lehre von der Rechtssouverenitat. 1906.

***) Н. Kelsen: Das Wesen der Demokratie. 1921.

анархизма и социализма онъ уже не можетъ мыслить общество механически, по образцу сталкивающихся между собою атомовъ. Общество раздѣлено на классы, на множество группъ различнаго социальнаго вѣса и значенія. Отдѣльные граждане входятъ въ эти группы, ведущія между собою борьбу за преобладаніе. Государство никогда не стоитъ лицомъ къ лицу съ отдѣльными гражданами, но имѣетъ передъ собой организованныя группы гражданъ, свое выраженіе получающія въ различныхъ союзахъ экономическаго и политическаго характера. Поэтому роль государства заключается не только въ томъ, чтобы разбирать споры отдѣльныхъ гражданъ на основаніи разъ навсегда установленнаго закона, а преимущественно въ томъ, чтобы приобщить всѣ группы, на которыя раздѣлено общество, къ созданію общей воли, т. е. чтобы непрерывно искать и создавать компромиссъ между ихъ различными сталкивающимися интересами, находить равнодѣйствующую этихъ интересовъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ свобода есть качество дѣйствія личности, такъ и общая воля есть качество властвованія отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Въ самомъ этомъ властвованіи интересы подчиненныхъ группъ не должны быть исключены совершенно, они должны быть хотя бы минимально признаны и уважены. Поэтому задача государства заключается въ томъ, чтобы быть *надклассовымъ посредникомъ между классами* и тѣмъ самымъ придавать ихъ борьбѣ правовую форму. Въ практикѣ новѣйшаго англійскаго либерализма эта идея, какъ извѣстно, получила свое наглядное воплощеніе: государственная власть все болѣе и болѣе изъ безстрастнаго зрителя экономической борьбы принимаетъ на себя функціи ищущаго социальнаго компромисса посредника между борющимися сторонами. Такъ возникаетъ и упрочивается идея обязательнаго арбитража государственной власти въ конфликтахъ, возникающихъ между организованными общественными классами. И здѣсь такимъ образомъ мы наблюдаемъ одновременно и рѣзкій отходъ новаго либерализма отъ классическаго и вѣрность его основному мотиву послѣдняго, который однако, въ силу измѣнившихся жизненныхъ обстоятельствъ, получаетъ свое удовлетвореніе въ новыхъ формахъ.

Не кроется ли въ этой вѣрности новаго либерализма завѣтамы его предшественника не только сила его, но и

слабость? Удалось ли ему въ полной мѣрѣ очистить самую идею правового государства отъ того суженнаго, исторически-ограниченнаго ея пониманія, въ которомъ она впервые была выражена правовѣрнымъ либерализмомъ? Въ состоянн ли новый либерализмъ разрѣшить основную проблему современнаго общественнаго строя, которую мы формулировали выше и которая, какъ мы знаемъ, питаетъ своей неразрѣшимостью анархическое отрицаніе идеи правового государства? Происшедшее въ немъ глубокое измѣненіе основныхъ понятій либерализма достаточно ли широко для того, чтобы охватить собою всю полноту новыхъ жизненныхъ условій и фактовъ? Очевидный и острый идейный кризисъ, въ которомъ онъ нынѣ пребываетъ, говоритъ, повидимому, въ пользу отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Проф. С. I. Гессенъ